

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-281-286

Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

ЗАКРОЕЦ Михаил Николаевич,

магистрант кафедры государственного и муниципального управления ФУП МГИМО МИД России,

e-mail: Mihailzakroets@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

Аннотация. В статье исследуется правовое положение священнослужителей Русской Православной Церкви (РПЦ), несущих пастырское служение в зоне специальной военной операции в 2022–2026 гг. Масштаб присутствия Церкви в зоне боевых действий оказался беспрецедентным: более 2 тысяч священнослужителей, свыше 4,5 тысяч командировок за три года. Подобный масштаб обнажил системную неготовность действующего законодательства к ситуации, при которой сотни клириков регулярно находятся под обстрелами, не имея определенного правового статуса. На основе формально-юридического и системного методов в работе разграничиваются три категории военного духовенства: штатные помощники командиров воинских частей, внештатные волонтеры и священнослужители, заключившие военный контракт. Каждый из отмеченных правовых статусов сложился как ситуативный ответ на конкретную практическую потребность, а не как элемент продуманной системы. При этом подобная разнородность обуславливает большинство выявленных коллизий самостоятельно, вне зависимости от отсутствия рамочного закона. Анализ Указа Президента РФ от 11.03.2024 № 181 и Приказа Федерального агентства по делам молодежи, Ассоциации волонтерских центров от 12.04.2024 № 123/13 показал, что подзаконное регулирование устранило наиболее острые пробелы в части единовременных выплат. Однако оно не затронуло вопросы подчиненности священнослужителей в зоне боевых действий, канонической несовместимости статуса военнослужащего со священным саном. Сохраняется и расширительное толкование ст. 14 Конституции РФ со стороны Главного военно-политического управления. В целом, правоприменение остается нестабильным. В подобном контексте перспективным видятся разработка и внесение изменений в военное законодательство и законодательство о религиозных объединениях в части определения правового статуса военных капелланов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, специальная военная операция, военное духовенство, военный капеллан, социальные гарантии, ветераны боевых действий, помощник командира, работа с верующими военнослужащими.

ZAKROETS Mikhail N.,

Master's student, Department of State and Municipal Administration School of Public Administration, MGIMO University, MFA of Russia

LEGAL FOUNDATIONS FOR THE ACTIVITIES OF CLERGY IN THE ZONE OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Annotation. The article examines the legal status of clergy of the Russian Orthodox Church (ROC) engaged in pastoral ministry in the zone of the special military operation in 2022–2026. The scale of the Church's presence in the combat zone proved unprecedented: more than 2,000 clergy members and over 4,500 deployment missions over three years. This scale exposed a systemic unpreparedness of existing legislation for a situation in which hundreds of clerics are regularly exposed to combat conditions without a defined legal status. Applying formal-legal and systemic methods, the study identifies three categories of military clergy: full-time assistant commanders for work with religious servicemen, non-staff volunteer clergy, and clergy who have entered into military service contracts. Each of these legal statuses emerged as a situational response to a specific practical need rather than as part of a coherent regulatory framework. This fragmentation, in itself, accounts for most of the legal conflicts identified, independently of the absence of framework legislation. An analysis of Presidential Decree No. 181 of 11 March 2024 and Order No. 123/13

of the Federal Agency for Youth Affairs and the Association of Volunteer Centers of 12 April 2024 demonstrates that subordinate regulation resolved the most acute gaps regarding lump-sum payments, yet left unaddressed the questions of clerical subordination in the combat zone and the canonical incompatibility of military serviceman status with holy orders. The expansive interpretation of Article 14 of the Constitution of the Russian Federation advanced by the Main Military-Political Directorate likewise remains unresolved, and law enforcement in this area continues to be unstable. Against this background, the development and adoption of amendments to military legislation and legislation on religious associations – specifically in the part concerning the legal status of military chaplains – appears to be a promising avenue for reform.

Key words: *Russian Orthodox Church, special military operation, military clergy, military chaplain, social guarantees, combat veteran, assistant commander, work with religious servicemen.*

Введение

Актуальность. С началом специальной военной операции (далее – СВО) в феврале 2022 года деятельность Русской Православной Церкви (далее – РПЦ, Церковь) в сфере духовного окормления военнослужащих приобрела широкий масштаб и значение. Священнослужители, следуя многовековой традиции русского военного духовенства, восходящей к эпохе Петра I и возрожденной в 1990-е годы, оказались непосредственно в зоне боевых действий – на передовой, в госпиталях, в пунктах временной дислокации. По данным Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами, за три года СВО в зоне боевых действий и в непосредственной близости от нее побывали более 2 тысяч священнослужителей РПЦ, а количество командировок превысило 4,5 тысячи. При этом число военнослужащих, принявших крещение за время СВО, достигло, по некоторым оценкам, 42 тысяч человек.

Столь масштабное присутствие Церкви в зоне вооруженного конфликта неизбежно поставило вопрос о правовом статусе священнослужителей, выполняющих пастырские функции в экстремальных условиях. С одной стороны, деятельность Церкви в воинских частях не противоречит конституционному принципу светскости государства, закрепленному в статье 14 Конституции Российской Федерации, и Федеральному закону от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2; 3; 12]. С другой стороны, действующее законодательство оказалось недостаточно подготовленным к ситуации, когда сотни священников систематически находятся в зоне боевых действий, под обстрелами, рискуя жизнью и здоровьем, но при этом их правовой статус остается неопределенным.

Изучение и осмысление правовых основ деятельности священнослужителей в зоне СВО представляет значительную научную и практическую значимость. Накопленный опыт служит основой для выработки официальной

позиции светских властей и РПЦ по вопросам правового регулирования военного духовенства, для разработки оптимальных моделей взаимодействия Церкви и Вооруженных сил, а также для совершенствования законодательства о социальной защите священнослужителей, участвующих в боевых действиях. Поэтому тематика исследования представляется актуальной как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления священнослужителями РПЦ пастырской деятельности в зоне СВО. Предмет исследования – правовые нормы и практики, регулирующие статус, права, обязанности и социальные гарантии военных священников. Хронологические рамки исследования охватывают период с февраля 2022 года по апрель 2026 года – от начала СВО до настоящего времени.

Методологическую основу составляют формально-юридический метод (анализ нормативно-правовых актов), сравнительный метод (сопоставление различных категорий военных священников), а также метод анализа правоприменительной практики.

Цель исследования – проанализировать правовые основы, определяющие положение священнослужителей РПЦ в зоне СВО, выявить пробелы и коллизии и оценить перспективы законодательного урегулирования статуса военного духовенства.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: реконструировать историю военного духовенства в России; проанализировать правовой статус трех категорий священнослужителей, действующих в зоне СВО; выявить системные правовые коллизии, препятствующие эффективному регулированию их деятельности; рассмотреть законодательные инициативы 2025–2026 гг. и оценить их достаточность для преодоления выявленных пробелов.

Результаты исследования

Становление института военного духовенства в современной России: исторический контекст

Институт военного духовенства в России имеет глубокие исторические корни. В дореволюционный период (с начала XVIII века до 1917 года) в русской армии существовала разветвленная система полковых и флотских священников, подчинявшихся как церковной иерархии (протопресвитеру военного и морского духовенства), так и военному командованию. Эта система была ликвидирована после Октябрьской революции 1917 года, когда большевистское государство провозгласило атеизм официальной идеологией [1; 8; 11].

Возрождение института военного духовенства началось в 1990-е годы. В 1994 году Патриарх Московский и всея Руси Алексей II и Министр обороны РФ подписали первое соглашение о сотрудничестве [13], а в 2004 году в Минобороны введена должность помощника командира по работе с верующими военнослужащими. Однако до 2022 года этот институт оставался сравнительно небольшим: по данным на начало 2022 года, в Вооруженных силах РФ насчитывалось около 200 штатных военных священников – помощников командиров [7].

Основополагающий внутрицерковный документ, определяющий отношение РПЦ к вопросам войны и мира, – Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, принятые Освященным Архиерейским Собором РПЦ 13–16 августа 2000 г. В разделе VIII «Война и мир» документ признает войну злом, но допускает ее как вынужденное средство защиты Отечества. Характер отношений Церкви с Вооруженными силами раскрывается через категории «соработничество», «сотрудничество», «попечение о воинстве» [4]. Согласно этому документу, священнослужители могут оказывать помощь военнослужащим в выполнении воинского долга, не беря в руки оружия.

Категории священнослужителей в зоне СВО: правовой анализ

Правовое положение священнослужителей, несущих служение в зоне СВО, не является единообразным. В зависимости от основания присутствия в зоне конфликта и характера отношений с воинской частью можно разграничить три категории, существенно различающиеся по объему прав и социальной защиты.

Первая, наиболее институционализированная категория – штатные помощники командиров воинских частей по работе с верующими военнослужащими. На сегодняшний день на таких должностях

состоит порядка 300 священнослужителей. Правовое регулирование этой должности осуществляется Приказом Минтруда России от 10.05.2016 № 225н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики отдельных должностей работников воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации»», которым установлены квалификационные требования, должностные обязанности и порядок назначения на должность. Важно отметить, что статус помощников командиров урегулирован подзаконным актом, а не федеральным законом, что, как отмечает руководитель Правового управления Московской Патриархии игуменья Ксения (Чернега), создает «изъяны правового регулирования».

В соответствии с Указом Президента РФ от 11.03.2024 № 181 «О дополнительных социальных гарантиях отдельным категориям лиц» военные священники, занимающие должности помощников командиров воинских частей, включены в число гражданского персонала, принимавшего непосредственное участие в выполнении задач в ходе СВО. Члены семей таких священнослужителей в случае гибели имеют право на денежную выплату в размере 5 миллионов рублей; в случае ранения (травмы, контузии) пострадавшие священнослужители вправе получить выплату в размере от 3 до 4 миллионов рублей в зависимости от степени тяжести увечья. Однако, как отмечает игуменья Ксения, ежемесячное денежное содержание штатных военных священников составляет около 30–55 тысяч рублей, что не соответствует степени риска и значимости выполняемых ими функций.

Вторая категория – внештатные священнослужители-волонтеры, не состоящие на должностях помощников командиров, но осуществляющие пастырское служение в воинских частях. С началом СВО возникла серьезная необходимость в их присутствии, и в 2024 году этот институт был фактически легализован. Приказом Федерального агентства по делам молодежи и Ассоциации волонтерских центров от 12.04.2024 № 123/13 «Об утверждении порядка отбора и подготовки волонтеров для осуществления деятельности на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» на священнослужителей, направляемых в качестве волонтеров на территорию новых субъектов РФ, распространяются социальные гарантии, предусмотренные Указом Президента № 247. Размеры установленных выплат аналогичны тем, что предусмотрены для штатных военных

священников. Однако, в отличие от штатных священников, у внештатных капелланов-волонтеров отсутствуют ежемесячные оклады: они содержатся исключительно за счет благотворительных пожертвований, в том числе Фонда «Защитники Отечества». По свидетельству высших иерархов РПЦ, подавляющее большинство священников, несущих служение в зоне СВО, являются именно добровольцами [2].

Третья категория – священнослужители, заключившие военный контракт и получившие статус военнослужащего. Как отмечает протоиерей Андрей Канев, «появилась и третья категория – священнослужители, которые заключают контракты и имеют статус военнослужащего». Такие священники полностью интегрированы в военную структуру: они носят военную форму, подчиняются воинскому уставу и проходят службу на общих основаниях.

При этом возникает каноническая проблема: возможно ли совмещение священного сана с ношением оружия? РПЦ последовательно придерживается позиции, что священнослужители не должны брать в руки оружие, однако статус военнослужащего может подразумевать такую обязанность.

Это противоречие выходит за рамки сугубо канонического вопроса. По воинскому уставу военнослужащий обязан носить оружие. Ни один из действующих нормативных актов не предусматривает освобождения от этой обязанности для лиц духовного звания, находящихся в рядах армии. Священник, заключивший контракт, оказывается в ситуации, когда требования воинского устава несовместимы с каноническими ограничениями, но нормативного механизма разрешения этого несоответствия не существует. Отсутствие такого механизма, пожалуй, точнее всего характеризует общее состояние правового регулирования: институт существует и функционирует, а правовая база за практикой хронически не поспевает.

Правовые коллизии и проблемы законодательного регулирования

Несмотря на активную нормотворческую деятельность, система правового регулирования деятельности священнослужителей в зоне СВО сталкивается с рядом серьезных проблем, которые могут быть сгруппированы в четыре основные группы.

Первая и наиболее фундаментальная проблема – отсутствие федерального законодательного акта о статусе военного духовенства. Как подчеркивает игумения Ксения (Чернега) в своем выступлении на XXVII Всемирном русском народном соборе (ноябрь 2025 года): «Почему статус военных врачей или военных прокуроров регулирует федеральный закон? А

статус военных священников в законе даже не обозначен». В январе 2023 года Патриарх Кирилл направил на имя Президента РФ обращение с просьбой урегулировать правовой статус военного духовенства на уровне федерального закона. На письме была наложена резолюция главы государства, поручавшая проработку вопроса Администрации Президента. Однако по состоянию на апрель 2026 года законопроект все еще не принят.

Вторая проблема связана с неопределенностью иерархического подчинения военных священников. Действующие нормативные акты не регулируют вопрос о том, кому подчиняется священник – командиру воинской части или своему церковному начальству (епархиальному архиерею). Должностные обязанности военного священника не предусматривают его иерархической подчиненности священноначалию, не обязывают соблюдать каноны Церкви. При этом контракт с воинской частью заключается на стороне работодателя – воинской части в лице ее командира. Однако командир, особенно если он является атеистом или иноверным, не может отслеживать качество богослужений и привлекать священника к ответственности за их нарушения. Как справедливо отмечает игумения Ксения, это недопустимо с канонической точки зрения [1].

Третья проблема – недостаточный уровень материального обеспечения и нерешенные вопросы социальных выплат для некоторых категорий. Выше уже отмечался низкий размер окладов штатных военных священников (30–55 тыс. рублей) и полное отсутствие окладов у священников-волонтеров. Особого внимания заслуживает проблема выплат для тех, кто не попал под действие существующих нормативных актов. В качестве примера игумения Ксения приводит погибшего в зоне СВО протоиерея Михаила Васильева, которому было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации. Семья отца Михаила до сих пор не может получить денежную выплату, причитающуюся семьям погибших участников СВО.

Четвертая проблема – ошибочная трактовка конституционного принципа светскости. Как заявила игумения Ксения, «Главное военно-политическое управление Вооруженных сил фактически блокирует процесс разработки поправок, ссылаясь на то, что статья 14 Конституции России, декларирующая отделение религиозных объединений от государства, якобы препятствует законодательному закреплению института военных священников». Этот довод опровергается законодательством зарубежных государств. Правовой статус военных

капелланов определен законодательством США, Великобритании, Франции, Испании, Польши, Германии, а также стран Ближнего Востока и Северной Африки [10]. Специальный закон о военных капелланах принят в 2021 году в Украине.

Ссылка на зарубежный опыт показательна, но требует уточнения. США и Франция придерживаются существенно более жестких конституционных моделей разделения церкви и государства, чем Россия, и тем не менее в обоих государствах статус военных капелланов закреплён законом. Следовательно, ссылка на ст. 14 Конституции РФ как на юридическое препятствие несостоятельна: конституционный принцип отделения религиозных объединений от государства закрепляет их организационную автономию, а не запрет государству устанавливать правовой статус лиц, выполняющих определенные функции в государственных структурах [5; 6; 9]. Позиция Главного военно-политического управления, таким образом, основана на расширительном толковании нормы, выходящем за пределы ее конституционного смысла.

Позиция Патриарха Кирилла и перспективы развития института

Высшее руководство РПЦ последовательно отстаивает необходимость законодательного закрепления статуса военного духовенства. На пленарном заседании Всемирного русского народного собора 19 ноября 2025 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл назвал отсутствие законодательного статуса военных священников «рудиментом атеистического прошлого». По его словам, «действительно создается какая-то нелепая ситуация: все „за“ и, вроде, никто не „против“, а когда доходит до дела – никакого прогресса не заметно».

Патриарх также высказался о месте военного священника в боевых порядках: «Когда были обсуждения темы, где в войсках должен находиться священник, кто-то из военачальников сказал: мол, они должны находиться в „обозе“ – там, где повара, парикмахеры. На что я ответил, что там священник не нужен – он нужен в месте, где собирается какое-то воинское подразделение с тем, чтобы идти вперед, в атаку. Потому что в этот момент военнослужащий переживает невероятный стресс... Вот здесь должен быть священник. А еще когда этот боец возвращается в тяжелом состоянии, иногда и раненый, опять должен быть священник, чтобы встретить, чтобы поддержать».

В перспективе предполагается разработка и принятие специального федерального закона о статусе военных капелланов, который урегулирует: порядок назначения на должность

и освобождения от нее; иерархическую подчиненность (церковной иерархии и военному командованию); социальные гарантии и компенсации; порядок взаимодействия с командованием воинских частей; а также запрет на ношение оружия. Как отметила игумения Ксения, типовая форма договоров с военными священниками будет утверждена Министерством обороны по согласованию с традиционными конфессиями.

Выводы

Правовое регулирование деятельности военного духовенства по состоянию на апрель 2026 года остается внутренне противоречивым. Институт де-факто существует и охватывает тысячи людей, но полноценной законодательной базы под ним нет.

Сложившееся разграничение на три категории священнослужителей (штатные помощники командиров, внештатные волонтеры и контрактники) отражает не последовательную государственную политику, а стихийную реакцию на военные реалии. Каждый из трех статусов возник как ответ на конкретную ситуативную потребность, а не как элемент продуманной системы.

Эта разнородность, а не только отсутствие закона сама по себе, и порождает большинство выявленных коллизий: неравенство в социальных гарантиях, неопределенность подчинения, нормативный конфликт при заключении военного контракта.

Практика регулирования через подзаконные акты позволила частично снять наиболее острые проблемы, прежде всего в части выплат семьям погибших и раненых. Указ Президента от 11.03.2024 № 181 и Приказ от 12.04.2024 № 123/13 стали важными, но недостаточными мерами: они устранили наиболее очевидные пробелы, не затронув системных оснований. Дело погибшего протоиерея Михаила Васильева наглядно показывает, что даже там, где подзаконные акты уже приняты, правоприменение остается нестабильным. Семья Героя России до сих пор не может получить причитающуюся выплату.

Ключевым институциональным препятствием для системного решения является позиция Главного военно-политического управления, трактующего статью 14 Конституции РФ как запрет на законодательное закрепление статуса военных капелланов. Однако, зарубежный опыт государств с более жесткими конституционными моделями разделения церкви и государства свидетельствует о том, что принцип организационной автономии религиозных объединений не исключает законодательного регулирования статуса лиц, выполняющих

определенные функции в государственных структурах.

Список литературы:

- [1] Дорская А.А. Государственно-конфессиональные отношения: проблема субъектного состава // Правовая инициатива. 2014. № 2. С. 16–22.
- [2] Син А.Л. Русская православная церковь, государство и гражданское общество: социально-политический аспект взаимодействия // Право и политика. 2025. № 8. С. 104–114. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.8.75429. EDN: YDIPFQ.
- [3] Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и правовое положение религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2016. 380 с.
- [4] Шевченко М.А. Политический диалог государства и Церкви: от симфонии к партнерству // Государственное управление. 2020. № 4. С. 112–124.
- [5] Верховский А.М. Политика государства по отношению к религиозным объединениям // Вестник общественного мнения. 2018. № 3-4. С. 56–67.
- [6] Кырлежев А.В. Секуляризм и постсекулярная реальность в России // Континент. 2017. № 172. С. 89–101.
- [7] Лункин Р.Н. Российская церковь и государство: модели взаимодействия // Россия и мусульманский мир. 2016. № 10. С. 23–35.
- [8] Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.
- [9] Узланер Д.А. Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке // Логос. 2019. № 6. С. 81–102.
- [10] Ferrari S. State and Church in Western Europe: From Cooperation to Separation? // Oxford Journal of Law and Religion. 2019. Vol. 8. No. 2. P. 245–267.
- [11] Robson M. Church-State Relations in Post-Soviet Russia: The Orthodoxy-Politics Nexus // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. No. 5. P. 789–810.
- [12] Шахов М.О. Правовой статус религиозных объединений в Российской Федерации: историко-правовой анализ. М.: Норма, 2018. 340 с.

- [13] Папков А.А. Церковно-государственные соглашения в современной России: проблемы теории и практики // Религиоведение. 2023. № 4. С. 45–58.

References:

- [1] Dorskaya A.A. State-confessional relations: the problem of the subject//Legal initiative. 2014. № 2. S. 16-22.
- [2] Sin A.L. Russian Orthodox Church, State and Civil Society: Socio-Political Aspect of Interaction//Law and Politics. 2025. № 8. S. 104-114. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.8.75429. EDN: YDIPFQ.
- [3] Pchelintsev A.V. Freedom of religion and the legal status of religious associations in the Russian Federation. M.: Jurisprudence, 2016. 380 s.
- [4] Shevchenko M.A. Political dialogue of the state and the Church: from symphony to partnership// Public administration. 2020. № 4. S. 112-124.
- [5] Verkhovsky A.M. State policy towards religious associations//Bulletin of public opinion. 2018. № 3-4. S. 56-67.
- [6] Kirlezhev A.V. Secularism and post-secular reality in Russia//Continent. 2017. № 172. S. 89-101.
- [7] Lunkin R.N. Russian Church and State: Models of Interaction//Russia and the Muslim World. 2016. № 10. S. 23-35.
- [8] Mitrokhin N.A. Russian Orthodox Church: current state and current problems. M.: New Literary Review, 2017. 520 s.
- [9] Uzlaner D.A. Postsecular turn: how to think about religion in the 21st century//Logos. 2019. № 6. S. 81-102.
- [10] Ferrari S. State and Church in Western Europe: From Cooperation to Separation? // Oxford Journal of Law and Religion. 2019. Vol. 8. No. 2. P. 245–267.
- [11] Robson M. Church-State Relations in Post-Soviet Russia: The Orthodoxy-Politics Nexus // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. No. 5. P. 789–810.
- [12] Shakhov M.O. Legal status of religious associations in the Russian Federation: historical and legal analysis. M.: Norma, 2018. 340 s.
- [13] Papkov A.A. Church-state agreements in modern Russia: problems of theory and practice// Religious studies. 2023. № 4. S. 45-58.

